

Автор: Алендей Василий Степанович

Книга: Красная рубаха

Повесть: Юрка

(отрывок из повести)

1

Шел сорок третий год, под далеким городом Курском шло кровавое сражение. Над землей, пропитанной смертью, напичканной минами и осколками, висело мутное злое солнце. Солдатские гимнастерки не просыхали от пота. Война – ведь это прежде всего труд. Тяжелый и изнурительный.

Несладко было и в тылу: подступала жатва, а в деревне почти не осталось мужчин. Так что пот не просыхал и на женских сапогах, и на спинах ребятишек от мала до велика.

В колхозе «Малалла», что означает «Вперед», бригадиром полеводческой бригады работал Таник. Мужчина степенный, основательный, а внешне – подтянутый, аккуратный, чернобородый.

Шагнув за порог избы, он прищурился на горячее солнце, сдвинул на лоб потрепанный картуз и направился в поля. Старый синий пиджачок с двумя заплатками, кожаная кирзовая сумка по прозвищу полевая», без которой в те годы не обходился ни один бригадир – вот и вся экипировка. Да еще обязательная «печатная сажень» – конструкция вроде раздвинутого циркуля, меж концами которого ровно два метра. Эта штука служила для измерения земли и обычно ее носили на плече. По дороге Таник заглянул в; правление, отправил собравшихся женщин готовить ток, где потом будет обмолачиваться зерно.

Таник размашисто шагал по дороге. Рядом семенил сын, Юрка. Ночью он пас табун лошадей, потом вздремнул часок-другой и за отцом. Юрка старался никогда не отставать от него. Комплекцией он пошел в мать: невысокий, зато широкоплечий. Но манеры, все до единой – отцовские. Ни одного слова невпопад не скажет. Юрка начал ходить с отцом лет с четырех, и к своим четырнадцати годам знал почти столько же, сколько и Таник: когда сеять, когда жать, какого ждать урожая и многое другое. Словом, понимал он все, что делал отец. Таник остановился у ржаного поля, пошелушил в ладонях колос, попробовал зерна на зуб.

– Недолго осталось. Видишь? Если погода не изменится, через неделю полосы под жнейки надо выстригать. А начинать отсюда. И дальше – прямо до оврага Хымышлых. Не забыть бы узнать, как там Хелип. Кончил он серпы насекасть? Надо поторопить. Юрка молча кивнул головой: сделаю, и они зашагали к засеянному ячменем полю. Тяжелые колосья клонились к земле.

– За этим злагом глаз да глаз, – показал Таник. – А то и не заметишь, как осыпаться начнет. Тогда не отговоришься...

Юрка вновь промолчал. Мало разве ходил он с отцом? Да и колоски с классом собирали не раз. Тяжелая эта работа, весь день согнутым ходишь, да еще людей мало – война многих выгребла. Сейчас в колхозе все рабочие руки на строжайшем учете.

После полудня отец решил отдохнуть. Устроились у родника, где сквозь прозрачную воду было видно, как бьют снизу маленькие фонтанчики, заставляя подпрыгивать песчинки и мелкие камешки. Родник оброс осокой, маленький лягушонок плыл куда-то возле самого дна.

– Где лягушки, там вода сладка, – заметил Танник, черпая картузом.

Было очень тихо. По небу тянулись ватные облака, деревья словно оцепенели от жары. Только листья молодых осин беспричинно трепетали, посверкивая на солнце. Изредка попискивали трясогузки. Как-то не думалось, не хотелось думать, что где-то гремят бои жестокой войны, кровавой полосой разрезавшие страну с южных гор до северных морей.

По пути в деревню бригадир не удержался – шел посмотреть, как там женщины готовят ток. И не любивший стоять при работе других, взялся за лопату. «Сам покажи, как надо работать, а указывать дурак может», – в этом Таник был уверен. Ушел он отсюда вечером, вместе со всеми. Уже на подходе к деревне люди увидели, что навстречу им несется верховой. В нем узнали Ванюка, сына Палука.

– Дядя Таник, дядя Таник! Тебе повестка! – он выхватил из-за пазухи бумажку.

Женщины молча окружили бригадира. На худых, измученных лицах лежала печать горя и слепой покорности судьбе.

– Если надо, значит – надо, – сказал Таник. – Через два часа должен прибыть в военкомат.

Кое-кто в толпе смахнул слезы. Вот и еще один... Ванюк соскочил с лошади, передал бригадиру поводья.

– Торопись.

Таник легко вскочил в седло.

– Ну, прощайте, товарищи. Хлеб вовремя уберите. Я поехал.

Только сейчас спало с людей оцепенение.

– До свиданья, бригадир!

– Возвращайся живым!

– Бей скорее фашистов!

– Тут уж мы сами с уборкой справимся. Таник взглянул на поле, приметил одинокий василек у обочины.

– Сорвите мне этот цветок.

Сразу несколько рук потянулось исполнять его просьбу. Таник взмахнул рукой и с ходу пустил лошадь в галоп. Только у околицы, на минуту придержав повод, он обернулся, помахал рукой и исчез за ветлами.

Стало тихо. Как ни в чем не бывало громоздились облака, в желтеющих полях кричали перепелки, трещали среди трав кузнечики. Кто-то тяжело вздохнул:

– Ах, война, война.

2

Уход на фронт бригадира Даниила Яковлева сильно озадачил Ивана Егоровича, или Одноглазого Ивана, как прозвали его односельчане. Кем заменить Таника? Теткой Устюк? Женщина она энергичная, трудолюбивая. Но дети у нее все как один малолетки. Савелий? Не потянет, постарел. Григорий Покровский? Раны у него почти зажили. Но ведь со дня на день могут снова призвать! Крякнув, председатель крепко потер затылок. Голову сломаешь! Может, посоветоваться со счетоводом?

– Слушай, Сорокин, я к тебе поговорить.

– Что такое? – Сорокин звякнул счетами, отодвинул их к краю стола.

– Кого вместо Таника ставить? Ума не приложу! Счетовод долго молчал, потом, взявшись руками за сиденье, приподнял туловище, передвинулся. Ног у него не было – потерял под Москвой. Одну отрезали чуть выше колена, вторую – чуть ниже. Протезом он обзавестись не успел, и его каждый день возили на работу в телеге. До войны Сорокин работал шофером. В госпитале нужда заставила выучиться на счетовода.

– Слушай, председатель. Тут и думать нечего, будет полный порядок.

– Почему порядок?

– Да ведь бригадир готов. Поручи эту работу Юрке. Лучше все равно не найдешь.

Председатель плотно сжал губы, наморщил потно лоб. Молодой слишком. Как ребенку доверишься.

– А где ты ребенка видишь? Парню четырнадцать, а по нынешним временам... Егоров задумался. А что, почему бы и в самом деле не попробовать? Парнишка сообразительный у отца первым помощником был. Дело знает. А остальное – приложится.

– Ладно, юрать. Эй, Праски!

Из клетушки за печкой выскочила худенькая женщина, техничка.

– Вызывай сюда сына Таника. Живо!

...Степенно шагнув в комнату, Юрка остановился у двери.

– Ну? Давай проходи, – кивнул председатель, и Юрка неторопливо уселся за стол.

– Такие вот дела. Придется тебе вместо отца бригадиром поработать. Приступать надо сегодня же.

– А сумею? – коротко спросил Юрка.

– Сумеешь, – ответил, как приказал председатель. – Я такого, как ты, на фронте видел. Разведчиком был. Медалью награжден. Так... Вечером, в восемь часов, придешь за нарядами. Не забудь.

Вот так, совершенно неожиданно, Юрка стал колхозным бригадиром. Вначале временно, а потом все и забыли, что временно.

На него свалились все отцовские заботы; он вел учет, наряжал людей на работы, ходил в контору за указаниями, расписывался где положено. Вставать приходилось затемно. Трудно, но что поделаешь. Ведь какое-никакое, а начальство. Мать совала ему в сумку лепешку, пару картофелин, пучок зеленого лука и щепотку соли. Это на обед. Как когда-то мужу. Закинув сумку на плечо, Юрка пускался в обход дворов – будить и торопить колхозников. «Дядя Иван, ты сегодня на такую-то работу пойдешь», «Тетья Татюк, тебе...» Словом, каждому растолкует как и где.

В те годы никаких радиоузлов не было, так что вся надежда – на свои ноги да настойчивость. Нелегкое это дело – наряды. У кого дети болеют, кто голодный сидит, у иных горе: пришло извещение. Вот и вертись, думай, как все работы людьми обеспечить. Без этого нельзя – время военное. Ничем не оправдаешься, если дело не сладил.

Особенно трудно было с ребяташками. Разбудишь их раз, дальше идешь. Ждешь потом, ждешь, – нет никого. И снова идти надо, снова будить. Горемыки!

В бригадирах Юрка как-то сразу повзрослел, почувствовал ответственность. Сильно беспокоила его предстоящая уборочная. Он уже несколько раз забегал к деду Хелипу: кончил тот насекать серпы или нет? Хелипу за восемьдесят. Весь белый, маленький, старик сильно сдал за последние два года. Да и не удивительно. В августе сорок первого погиб младший сын, осенью – старший «погиб смертью храбрых у города Ржева», а средний пропал без вести. Тяжко. Но Хелип колхозных дел не сторонился, хотя и двигал ногами еле-еле. Отбивал косы, насекал серпы. И так – с утра до вечера.

– Как дела, дедушка Хелип?

– А? – Хелип вскинул выцветшие глаза. – Как дела спрашиваешь? Да вожусь вот. Серпы нынче кончу. Никто не забыл отдать? Пусть несут.

Это хорошо, ты уж постарайся.

– Как? Постараться, говоришь?

– Да. Надо.

– Уехал отец?

– Да.

– Он у тебя будто прихрамывал.

– Прихрамывал. Поэтому только сейчас и призвали.

– Кто ж вместо него?

– Я.

– Что?

– Я.

Старик внимательно посмотрел на подростка посмотрел так, словно хотел выискать что-то особенное. И после долгого молчания вдруг жалостливо закивал

– Хорошо, хорошо...

От Хелипа Юрка направился в кузницу, где монтировались три жнейки. Две стояли готовые, части третьей были раскиданы перед входом. Юрка удивился: как же так? Скоро уборка, а их жнейка разобрана! Вихрем влетел он в кузницу. Нямуку раздувал мехи. Кусок железа, зажатый длинными клещами ярко светился среди раскаленных углей. Голая спина кузнеца мокро блестела, мышцы буграми перекатывались под гладкой кожей. Нямуку – один из первых силачей в округе. И давно быть бы ему на фронте, да уши подвели – не слышали. Все же он как-то почувствовал появление в кузнице постороннего, коротко склонился на Юрку, выхватил железо из горна и быстро кинул на наковальню. Искры так и брызнули, когда застучал тяжелый молот. Азартное зрелище! «Вот где сила! – захлебнулся восхищением Юрка. – Фашистов бы бить этими руками. Враз с десяток можно на тот свет отправить!» Нямуку тем временем кончил ковать, бросил железку в ведро, откуда с треском вылетело целое облако пара.

– Здравия желаю, Юрий Данилович.

– Здравствуйте, – протянул Юрка. – Как дела?

– Э-э... Напиши лучше на бумажке, – Нямуку вытащил из кармана мятый листок, вырванный из тетрадки, и карандаш. Потом, прочитав написанное, сокрушительно покачал головой.

– Плохо.

– Почему? – испугался Юрка.

– Молотобойца на войну забрали.

– Что же делать?

Нямуку пожал плечами.

– Значит, жнейку не успеешь собрать?

– Кто знает!

– Так не годится. Как же без жнейки?

Пойдем в правление, – решил Нямуку, и они на улицу, заросшую мелкой травой. Председатель, к счастью, оказался на месте.

– Мне молотобоец нужен, – без всяких предположи прогудел Нямуку. – Дадите?

– Да где я тебе его сыщу? – сморщился Егоров.

– Надо, – поняв ответ, насутился кузнец. – Один не справлюсь.

Дверь с грохотом распахнулась, впуская высокую, круглолицую, крепко сложенную женщину. Юрка знал, что она эвакуировалась из Москвы, и жила недалеко от правления, у Криньки. Сам хозяин был на фронте, вот и отдал колхоз пустующую избу женщинам. Звали эвакуированную Вера Галл. То ли немка, «то ли прибалтка, не разберешь. По-русски, по крайней мере, она говорила хорошо. А в правление пришла выписать продукты.

– Их-то мы выпишем, – окидывая взглядом посетительницу, протянул председатель. – Но сначала хочу поговорить с вами. Вы до приезда где работали?

– Метростроевка! На землеройной машине.

– Ну-у? – почему-то удивился председатель. – Тогда вот что... Сможете нам помочь? Трудное положение у нас.

– Что надо делать?

– Рядом с вами стоит кузнец, – Нямуку, видя, что показывают на него, выпрямился. – Он остался один. Очень молотобоец нужен.

Вера посмотрела на кузнеца. Он – на нее. Юрка чуть слышно хмыкнул: оба здорово подходили друг другу.

– Согласны? – Егоров улыбнулся краешками губ.

– А что там! Думаете, не потяну? Согласна! – ответила, как отрубил Вера.

Теперь в кузнице звон стоял с раннего утра до позднего вечера. Жнейка через три дня была собрана.

– Забирай свой механизм, – удовлетворенно сказал Нямуку маленькому бригадиру.

Все тексты взяты из открытых источников и выложены на сайте для не коммерческого использования.
Все права на тексты принадлежат только их правообладателям.